

МОГ ЛИ БЕРТИЛАК БЫТЬ СКИФОМ ИЛИ САРМАТОМ

Э. Т. ГУТИЕВА

Отсутствие знака вопроса в заголовке статьи программирует утвердительный ответ: Бертилак, герой аллитерационной поэмы неизвестного автора XIV в. «Sir Gawain and the Green Knight» («Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»), собственно тот самый Зеленый Рыцарь, мог быть скифом/сарматом.

Данная гипотеза зародилась из интуитивного чувства узнавания соплеменника, соотечественника, чувства, знакомого всем и, тем не менее, не поддающегося препарированию и рационализации. В ходе небольшого эксперимента при пересказывании или чтении первой части поэмы опускались имена Артура и его рыцарей Круглого Стола и предлагалось определить имя героя, бросившего вызов королю и его дружине. От респондентов, знающих Осетинские нартские сказания, получены две категории ответов: кто-то из *гуытырсар* нартвов, или более определенно: нарт Сослан, ищущий, с кем бы помериться силой, *тыхагур*, *challenger*.

Желание «приписать себе» рыцаря продиктовано не тем, что он самый лучший и достойный (его поведение неоднозначно), не тем, что он на коне (сами рыцари Круглого Стола были знатными конниками), не тем, что в стременах (данная седельная принадлежность распространилась вместе с номадами с Востока), не тем, что он огромных размеров (что часто приписывается иноплеменикам) и длинноволос, и менее всего потому, что он странного цвета (что известно о зеленых человеках?), хотя все перечисленное (а цвет?) может свидетельствовать в пользу его восточно-иранского происхождения. Не менее информативно для «голоса крови» то, что он, совсем как нартвовский Сослан, может верхом въехать на пир, вести себя с вызовом, невзирая на чины, регалии и количество пирующих, с заносчивостью похвалиться оружием и даже увечный (без головы) угрожать реваншем.

В рассказе Лукиана Самосатского скиф Анахарсис, будущий великий философ Греции, не признал скифа Токсариса, приняв его за эллина, тогда как Токсарис безошибочно определяет/узнает родственника, выделяющегося из многоцветной и разноголосой толпы греческого полиса [1]. Можно, подобно Токсарису, почувствовать соотечественника, не потерявшего самобытность. Даже если придется это делать сквозь границы времен, языков, культур, сказительских традиций. Очевидно, что гипотезе требуются менее умозрительные конструкции и более веские аргументы.

Поэму «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» относят к числу произведений куртуазной литературы, в кругу которых она стоит особняком. Особенность данного текста в его большой продуктивности для глубоких и разнообразных интерпретаций и реинтерпретаций. Эта поэма принадлежит к «литературным творениям, которые уходят корнями глубоко в прошлое, причем куда глубже, нежели осознавал и сам ее автор» [2].

Историчность рыцарских произведений спрятана в складки куртуазного повествования, создающих антиклинал с более старым ядром. Таким историческим ядром нам представляется первая часть поэмы. В ней повествуется о новогоднем празднике у короля Артура, который даже не прервало, а очень своевременно развлекло появление незваного гостя, въехавшего в залу верхом. Рыцарь, зеленый от кончиков собственных волос до копыт своего коня, спешил только для того, чтобы подставить свою голову под удар сэра Гавейна, когда последний принял его дерзкий и абсолютный в своей абсурдности вызов к тем, «у кого горячая кровь, либо нрав необуздан», обменяться ударами:

286 *be so bolde in his blod brayn in hys hede*
 287 *þat dar stifly strike a strok for an oþer*
(is so boldblooded and so utterly mad that
he dare strike one stroke for another in return)
 [3].

Гавейн нанес Рыцарю сокрушительный удар его же зеленым огромным топором. Однако обезглавленное туловище подбрало своей рукой голову, которую успели попинать присутствовавшие на пиру рыцари, взобралось на коня и усакало прочь с угрозой вернуть удар через год и один день.

В последующих частях рассказывается о подвигах Гавейна, о его противостоянии чарам соблазняющей его прекрасной дамы и о его исповеди по триумфальному возвращению в Камелот. Но и Зеленый Рыцарь Песни первой, оказавшийся лордом Бертилаком — второй, Хозяином часовни — третьей, торжествует над заколдовавшей его Морганой де ла Фе, родственницей короля Артура. Для великого Дж. Р. Р. Толкина, одного из лучших знатоков английской языка, литературы и истории Британии, ядро этого повествования с «восхитительным построением» — исповедь Гавейна в третьей Песне, тогда как в сфере наших приоритетов — первая Песнь, где главное действующее лицо Зеленый Рыцарь. В этой части интересующие нас этнические и региональные различия героев находятся в фокусе сказительского внимания, тогда как впоследствии они уступают место отношениям между полами и любовным отношениям, семейным козням — «ethnic heterogeneities finally modulate into nothing (more than the differences of extended family» [4, 132].

Структурно неригидная поэма распадается на две части, две «игры» — игру на обезглавливание и игру на соблазнение. Подозрительное нарушение единства времени, места, а также трансформация внешности персонажа свидетельствует об искусственном объединении и о контаминации нескольких сюжетов.

По мнению С. Льюиса, Зеленый Рыцарь не уступает никому из литературных героев по яркости и художественности, обладая парадоксальными качествами [5]. Это обу-

словлено тем, что «хотя Рыцарь и Хозяин на самом деле — все же совершенно разные персонажи, в единую, цельную личность не сливающиеся, мы готовы поверить, что перед нами все время выступало одно и то же лицо» [2]. На амбивалентность, таинственность, фантазматичность, слияние противоречивого в характере Зеленого Рыцаря обращали внимание практически все исследователи поэмы, а критическая литература по данному произведению чрезвычайно обширна [4, 231].

Зеленый Рыцарь считается самым сложным персонажем поэмы, с чем нельзя не согласиться. Неразгаданность загадки состоит, на наш взгляд, в том числе и в недостающем звене — в определении его этнической принадлежности. Тщетность таких попыток сразу оставили пировавшие с королем Артуром гости:

460 *to quat kyth he becom knwe non þere*

461 *neuer more þen þay wyste from queþen*
he watz wonnen

*(to what family he belonged they knew not/
 no more than they knew from where he had
 come)* [3, 460-461].

А. Спизеринг предупреждал об опасности приступать к изучению поэмы с вопроса «Кто он, Зеленый Рыцарь?» («Who is the Green Knight?») [6]. Традиционно основное внимание уделяется конфлиционности этого персонажа, двойственности его сущности, тому, как проявляется и растворяется его этническая чужеродность [7], тогда как нас интересует, откуда, из каких стран, из каких сказаний и веков вторгся в пиршественную залу Зеленый Рыцарь, уехавший с пира Всадником без головы.

Дж. Р. Р. Толкин ставит «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря» в ряд с такими литературными творениями, как «Беовульф», «Король Лир», «Гамлет», подобно которым поэма «создана на основе историй, имевших хождение давно и в иных местах и составлена из элементов, перекочевавших в нее из стародавних времен, о которых поэт едва ли имел адекватное представление, а то и вовсе никакого» [2]. Толкиновское «давно и в иных местах» существенно раздвигает хронологические границы и

расширяет географию поиска источников таких «глубоко укорененных» произведений. Поиск сармато-аланского влияния в артуровском цикле правомерен, в рамках наблюдений Ж. Дюмезиля, Ж. Грисвара, гипотезы С. Литтлтона и Л. Малкор, Г. Рида о том, что «легенды о короле Артуре уходят корнями в эпическую традицию, процветавшую в 1-м тысячелетии до н.э. в Древней Скифии» [8, 20]

Артуровские мотивы сложнейшими переплетениями связаны с нартскими кадами. Но прямых параллелей в цикле сказаний о нартах с поэмой о Зеленом Рыцаре нам установить не удалось ввиду объективной сложности сравнения рыцарского романа и эпического произведения. Совершать подвиги герои научились еще в эпические времена, затем, когда «замысел, мотивы и символика ставятся на службу изменившемуся сознанию более позднего времени и используются для выражения идей, совершенно отличных от тех, которыми эти произведения были порождены первоначально» [2, 1], приходит время эстетизации героического поведения, в связи с чем меняются нарративные приоритеты.

В эпосе приоритетны суть конфликта и вернейший способ его разрешения, в рыцарском романе следование рыцарскому кодексу, пространственные отступления описаний одежды, поведение и внешний вид героя, учтивость и набожность его речи, галантность манер заслоняют его героизм.

Вероятно, героизм этот столь абсолютный, что не требует живописания Иллюстрацией может служить описание путешествия Гавейна. По пути он преодолевает опасности, не удостоенные внимания рассказчика, пресыщенного подвигами, которые приводятся/оглашаются списком (три стихотворные строки из 2530), хотя каждый мог бы стать сюжетом отдельного полноценного сказания.

Вызов Зеленого Рыцаря Королю и его свите — это вторжение эпического в мир рыцарской куртуазности. Если рассматривать первую часть поэмы как реликт отдельного повествования, слившегося с

остальными частями в результате конфликации, то это рассказ о конфликте на пиру, закончившимся декапитацией одного из участников.

Подобная сюжетная канва может быть параллельна рассказу упоминавшегося выше Лукиана Самосатского о скифе Арсакоме. Или, по меньшей мере, можно экстраполировать детали и сюжетные мотивы скифо-боспорского происхождения на рассказ о Зеленом Рыцаре. Скиф Арсаком, как известно, прибывает к боспорскому правителю как посланник за данью скифского царя. Ситуация осложняется, когда на пиру скиф сватается к дочери правителя, а получив отказ, добивается своего силой, вместе с друзьями обезглавив боспорца и победив его в войне.

Рассмотрение в параллели с Лукиановским рассказом может помочь демистифицировать поведение незваного гостя на пиру Артура. Подобно Арсакому, Зеленый Рыцарь также мог приехать с тем, чтобы требовать ретрибуции. Его заносчивость обусловлена важностью дипломатической миссии, возложенной на него его собственным повелителем — он приехал за данью. Враждебность двора короля в таком случае также естественна и объясняется нежеланием платить требуемое. В пользу такой интерпретации агрессивная, но не враждебная чужестранность Рыцаря

Другая важная деталь — то, что он обещает вернуть удар через год и один день (383 *and at his tyme twelmonyth*), т.е. точно в новом «финансовом» году, что соответствует регулярности сбора подати. С другой стороны, год для сказаний обычный, неопределенно недлинный отрезок времени.

Следует отметить, что допущение о дани позволяет сделать и сопоставление поэмы с рассказом Т. Мэлори о конфликте короля Артура с 12 римлянами. Они, так же как и Зеленый Рыцарь, прибывший к Артуру с веткой остролиста, появляются в пиршественной зале Артура с ветками оливы в знак выполняемой парламентской миссии, возложенной на них римским императором [9]. Схематизировать рассказ Т. Мэлори можно сходным образом: пир

— конфликт — попытка декапитации — война.

Однако полагать, что Зеленый Рыцарь — римлянин, — нет оснований, он слишком экзотичен для социума с многовековой историей сосуществования с и в границах Римской империи. Поход на Рим тоже не вписывается в контекст классического периода Артуровского цикла борьбы с англо-саксами. Война с Римом и победа над ним — это не кельтское, а германское или сармато-аланское наследие. Такое расширение географии на континент и истории вглубь веков свидетельствует о разбухании цикла за счет других эпических систем.

Иноэтничностью Рыцаря обусловлена подробность описания его непривычного одеяния, противоестественная зеленость, несоразмерная физическая огромность. Этот странный пришелец, *an aghlich mayster*, самый высокий на земле, полуигант, но все же человек:

136 *þe hales in at þe halle dor an aghlich mayster*

137 *on þe most on þe molde on mesure hyghe*

138 *fro þe swyre to þe swange so sware and so pik*

139 *and his lyndes and his lymes so longe and so grete*

140 *half etayn in erde I hope þat he were*

141 *bot mon*

(*in at the hall door an ugly fellow and tallest of all men upon earth. From his neck to his loins so square set was he, and so long and stalwart of limb, that I trow he was half a giant. And yet he was a man*).

Мовсес Хоренаци оправдывает склонность сказителей к такого рода преувеличениям: «Да, чрезмерна легенда, поистине — легенда легенд. Но что тебе в том? Видно, был он действительно неимоверно могуч и заслужил подобные предания» [10]

По физическим параметрам, по росту и стати, конечно, не идентифицировать этничность героя, но великаны во всех сказительских традициях экзогенного происхождения. Также естественной гиперболизации подвержены размеры вождя, обусловленные военной мощью его армии.

Однако физическая мощь героя не всегда гиперболизируется. Атила был не крупным по размерам, и эпос не приписывает ему физического превосходства, как и аланскому военачальнику Саулу в сражении у Вероны, который описывается современниками как «маленький, покрытый шрамами воин с горящими глазами и мужественным лицом».

Возможное скифо-сарматство героя поддерживается его очевидной для всех исследователей иноземностью. В одной из поздних редакций сюжета в поэме XV в. его происхождение вынесено в название «*The Turke and Sir Gawain*» [11], т.е. восточность происхождения главного героя напрашивается. Тот факт, что оппонент Гавейна назван Турком, отражает неразличение сказителями Британии позднего средневековья далеких народов далекого Востока, и данный этноним мог употребляться собирательно для неевропейцев вообще и мусульман в частности. Помимо этого, в английском языке этноним фиксируется словарями достаточно поздно, с начала XIV в., т.е. почти на тысячелетие позже описываемых событий: средневековый *Turcus*, from Byzantine Greek *Tourkos*, Persian *turk*, a national name, of unknown origin. Said to mean «strength» in Turkish. In Persian, *turk*, in addition to the national name, also could mean «a beautiful youth», «a barbarian», «a robber» [12].

Т.о., появление турецкого «варяжского гостя» в Артуровском цикле не исторично, тогда как его скифо-сарматство вполне допустимо и укладывается в исторический контекст эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья.

Декапитация

Зеленый Рыцарь упомянут Д. Лимингом в статье «Декапитация» в связи с важностью явления в кельтской мифологии в целом и в ирландской и валлийской в частности и как имеющий корни в ритуалах жертвоприношения во имя плодородия [13, 95]. Данный случай можно рассматривать в терминах различия со всеми остальными самыми известными случаями, т.к. его отличает:

1. отсутствие мотива и, как следствие, отсутствие женского следа,

2. самовыдвижение обезглавливаемого — самоприглашение на казнь,

3. предложение произвести декапитацию собственным оружием,

4. декапитация не приводит к физической смерти ни одной из частей рассеченного,

5. в свете чего голову забирает не противник, а сам protagonista.

В терминах архетипического обращает на себя внимание абсолютное отсутствие информационного повода, это гомен, всего лишь игра.

283 *forþu I craue in þis court a crystemas gomen*

284 *for hit is 3ol and nwe 3er and here ar 3er mony*

285 *if any so hardy in þis hous holdez hymself*

286 *be so bolde*

(*I only crave of this court a Christmas game, as this is the feast of Yule and New Year, and many here are brave*).

Во всех самых известных сюжетах декапитация — результат политического и военного противостояния, сложных личных отношений — Давид и Голиаф, Саломея и пророк Иоанн, Юдифь и Олоферн, Томирис и Кир Великий. И, как явствует из приведенного списка, в большинстве случаев при активном участии женщин (*Great woman behind every great decapitation*). Во многих известных эпизодах замешаны женщины: в качестве исполнителей — Юдифь; вдохновителей — Томирис, царица скифского кочевого скотоводческого народа массагетов VI в., жестоко отомстившая персидскому царю Киру II Великому [14, 87], подстрекателей — Саломея и ее мать Иродиада; невольных виновников — Бранвейн, сестра Брана, ставшая причиной его декапитации; невольных участников — булгаковская Аннушка; либо в качестве жертв — Медуса Горгона, которой «голову с шеи сорвал» храбрый Тесей.

В поэме женщина появляется в развитии сюжета, в игре на соблазнение, в которой участвует леди Бертилак, ее также ини-

цирует и контролирует, как и игру на обезглавливание, Зеленый Рыцарь. А в первой части описывается королева, блиставшая на пиру красотой и нарядами среди других непрекраснейших дам:

74 *whene guenore ful gay grayþed in þe myddes*

75 *dressed on þe dere des dubbed al aboute...*

81 *þe comlokest to discry*

82 *þer glent with y3en gray*

(*And Queen Guinevere was full gaily attired... The comeliest lady, I seen, She glanced from eyes that were grey*).

Восхищение Гвиневерой, если его вместе со сказителем разделяет и Зеленый Рыцарь, могло катализировать осложнение в отношениях между присутствующими; так, неподобающее для гостей поведение кентавров на свадьбе у лапифов вылилось в вооруженное противостояние и закончилось их истреблением. Но красота жены хозяина может не быть сюжетоформирующей, а являться лишь необходимым атрибутом пышного пира, данью жанру, необходимой фигурой речи как «боярыня белолицая» на пиру Песни о Купце Калашникове.

Основания конфликта не прочерчиваются ни личные, ни политические, возможно, мотивы в этом вставном сюжете в его исходном виде были слишком далеки от мира рыцарей Круглого Стола и утрачены в результате их нерелевантности в Камелоте.

Отсутствие мотивов превращает это в публичную казнь человека, добровольно обезоружившего себя и буквально предложившего обезглавить себя самого, тогда как покорная просьба Кирибеевича к царю Ивану Васильевичу: «Прикажи казнить, рубить голову, Тяготит она плечи богатырские» у М. Ю. Лермонтова — это риторический прием заверения в своей вассальной подчиненности, присяга на верность тому, кто не замедлит принять решение самостоятельно.

Примеры добровольной декапитации единичны — Король Британии Бендигейд Бран, раненый отравленной стрелой, велит отрезать свою голову; кельтский Балор сам попросил бога Луга водрузить его отрубленную голову на свою («дабы счастье

и доблесть Балора перешла к ЛугуЙ), и вытекший из нее яд расколол каменный столб [15]. В обоих кельтских преданиях говорится о сакральной разрушительной силе головы, к помощи которой обреченные герои прибегают как к последнему средству отомстить врагам, тогда как вполне боеспособный Зеленый Рыцарь сам иницирует собственную декапитацию, а не вызывает противника на бой, рыцарский турнир или на поединок:

294 *and I schal stonde hym a strok stif on
his flet*

(*And I will stand strongly on this floor*).

Бессмысленность игры сопоставима с пушкинской поэмой, где с такой же опрометчивостью бойцовского духа огромная голова старшего брата Черномора, уже отрубленная и много лет стерегущая меч, раззадоривает Руслана: «...и меня Порадуй хоть одним ударом, Пока не заморил коня».

Игра на обезглавливание тем более бессмысленна, что Рыцарь предлагает испытать свое оружие, которым он гордится:

289 *his ax þat is heue innogh to hondele as
hym lykes*

(*I will give to him this costly axe, that is heavy enough*),

заведомо обрекая себя на гибель; известно об уязвимости самых неуязвимых перед собственным оружием. И обещание отдать противнику свой топор: *It shall be his very own*.

Возможны несколько вариантов следствия эпической декапитации: гибель обезглавленного — физиологически естественная и наиболее часто встречающаяся; ботаническое вырастание голов как у лернейской гидры; существование головы *post mortem*, являющейся продолжением сущности героя, разрушительной, как у Медузы Горгоны или Балора. Отмечены и созидательные — голова скандинавского Мимира, известного своей мудростью при жизни, продолжает давать советы верховному Одину после отсечения.

Случай с Зеленым Рыцарем уникален тем, что имеет место выживание и головы, и туловища. Рыцарь усакал обезглавлен-

ным: *Yet not a whit did the Green Knight falter nor fall, but started strongly forward on stiff shanks where the men were standing*.

Сам протагонист подбирает и уносит свою голову: *caught hold of his head and lifted it up. Then he went to his horse, seized the bridle, stepped into the saddle, and striding aloft, he held his head by the hair, and as gravely he sat in the saddle as though no evil had befallen him and he were not headless in that stead. He swayed his trunk about, The ugly body that bled; He held up the head in his hands, and addressed him to the dearest of those on the bench, to wit, Sir Gawain; and the eyelids were lifted up and looked forth, and the lips moved*, — тогда как в абсолютном большинстве случаев голова является важным военным трофеем, знаком триумфа победителя над поверженным противником. Эпически правильно поступает Беовульф, «когда от тулова отъяло лезвие огромную голову. Из всех сокровищ, /какие видел гаутский воин/ в подводном доме, /лишь вражью голову/ да еще самоцветный/ взял чудо-черен, /меча огарок».

Практика декапитации поверженных врагов описана у различных народов древности, в том числе у кельтов и у скифо-сарматов.

Тот факт, что Зеленый Рыцарь не предлагает помериться силами, скрывает некую фабульную несообразность. В чем хитрость и ловушка его стратагемы и что прикрывает бессмысленность игры на обезглавливание? Следовало признать, что благородные рыцари убили посла, хоть и незваного, но гостя, пришедшего с мирными намерениями:

266 *þat I passe as in pes and no ply't sech*

(*I am come in peaceful wise, and seek no quarrel*).

И действительно — по прибытии он декларирует свою дружественность, начиная с восхваления доблести обитателей Камелота, но затем задевает всех участников Круглого Стола, ставя под сомнение самое ценное для рыцарей — их репутацию. Изменение его вербального поведения может быть результатом происшедшего на пиру конфликта. Возможно, ответственность за происшедшее возлагается на самого

пострадавшего, потому что убийство безоружного противоречит рыцарскому кодексу. Об условности рыцарского кодекса можно судить и по рассказу Т. Мэлори. Артуру приходится сдерживать желание своих благородных рыцарей отрубить головы безоружным посланникам: «А там были иные из молодых рыцарей, которые, услыша, о чем было то посольство, хотели наброситься на послов и зарубить их, ибо они сочли оскорблением для всех рыцарей, что с их королем так непочтительно говорили. Но король под страхом смерти запретил оспаривать послов и причинять им вред».

Вид отсеченной головы и обезглавленного вряд ли мог испортить настроение пирующим. В отличие от участливого ужаса зрителей на сеансе черной магии, когда у булгаковского Жоржа Бенгальского голову отрывают и водворяют на место, на пиру не содрогнулись ни прекрасные дамы, ни тем более благородные рыцари:

427 þe fayre hede fro þe halce hit to þe erþe

428 þat fele hit foyned wyth her fete þere hit forth roled

429 þe blod brayd fro þe body þat blykked on þe grene

(the head of the Green Knight fell to the earth. And many kicked it with their feet as it rolled there, and blood rushed forth from the body and shone red on the green garments).

А благородный Артур напомнил своей королеве: *Now, though Arthur the Gentle at this had great wonder, he let no semblance thereof be seen, but spake with gentle speed to the comely Queen Guinevere: 'Dear lady, let not this day's doings dismay thee at all. Such craft well becomes the Feast of Christmas; gamings and interludes and laughing and singing and carollings of knights and ladies.*

Ведь пир как мизансцена злодеяний — обычный прием, т.к. они «красят отрадные празднества рыцарства славного», и даже христианский праздник:

471 wel bycommes such craft vpon cristmasse.

«Украсить» пир могло сознательное вероломство хозяев: подобно пиру, во время которого мидийский царь Киаксар предательски умертвил множество скифов с их

вождями, положив конец скифскому владычеству в Азии в VII в. до н.э., в данном случае мог иметь место спорадически возникший конфликт, как на свадебном пиру лапифов. И декапитации — не такая редкость в контексте пира (Саломея, Юдифь).

Был ли незеленым Зеленый рыцарь

Подобно тому как Моисею приписывались рога, а верблюду — способность пройти через игольное ушко, зеленость Зеленого Рыцаря могла быть невольной деформацией, вызванной асимметрией языкового знака при передаче на язык, обладающий большей детализацией цветообозначений.

149 he ferde as freke were fade

150 and oueral enker grene

(Full fierce he was to sight, And over all bright green).

Зеленый цвет мог быть навязан «персонажу ошибочно, в результате неправильно-го перевода или понимания поэтом ирландского слова 'glas', которое может обозначать помимо зеленого серый цвет» [16]. Впоследствии интенсивность и ненормальность цвета могли усиливаться сказительской изобретательностью, неудержимой как и во всех остальных случаях при преодолении фабульной или текстовой несообразности. И уже сам рыцарь, и конь, и доспехи становятся зелеными, обогащая повествование символизмом и импликациями.

Прото-кельтская форма, восстанавливаемая как *glasto-, имеет значение «зеленый» (green); однако во всех кельтских языках *glas* становится синкретичным и обозначает зеленый, синий, серый. Равным образом древнегреческое *glaukós* имеет значения «blue-green, blue-grey». У М. Пастуры оно определяется как light blue, light green, grey, и даже yellow [17, 24].

Стадия наибольшей синкретичности отмечена в древнеирландском, где прилагательное *glas* было семантически емким и могло передавать цвет растений и животных, цвет лица человека и цвет металла, вследствие чего обладало широкой валентностью и могло атрибутировать и зоонимы, и антропонимы, и соматизмы.

Мы не знаем, какова была система цветообозначений в протоосетинском, но совершенно очевидно, что неразличение

синего, зеленого и серого цветов в современном осетинском является реликтом древнего хроматического синкретизма и восходит к скифо-сарматскому периоду. В осетинском, как и в кельтских, выбор эквивалентного цветообозначения подсказывается контекстом: *цъах дур*, *цъах кардаг*, *цъах бирагъ*. И *Цъах барагъ*, хотя значение «зеленый» приводится в словарной статье слова «*цъах*» прежде значения «серый», это не Зеленый всадник, а человек на сером коне и в серой одежде.

Проблема выбора цвета для описания рыцаря не могла возникнуть при передаче с сармато-аланского на кельтский. Но мотив цвета мог усиливаться в среднеанглийском, не знаящем, как и остальные германские языки, такого хроматического синкретизма, как кельтский и осетинский.

Бертилак не единственный персонаж, наделяемый цветом: В ирландских сказаниях есть также Гойдел Зеленый/Гойдел Глас (Goídel Glas), эпонимный предок галлов, но его прозвище расшифровывается и обусловлено кратковременным изменением цвета кожных покровов во время укуса змеи «*green were his arms and his vesture*». Цвет мог быть сложным и отражать землистость оттенка на фоне сердечной, дыхательной и почечной недостаточности укушенного, т.е. иметь более нормальный для такой ситуации цвет, хотя нормальность для эпоса не аргумент. Интересно, что Гойдел Глас считается прямым потомком Фениуса Фарсайда, скифского правителя и одного из строителей Вавилонской Башни [18]. В кельтской мифологии мог появиться еще один скиф с прозвищем Glas. У Озири-са, египетского бога подземного мира, надлежащий, неестественный для живущих, зеленый цвет лица.

Обычно в светло-зеленых одеждах изображается Иоанн Предтеча. В зеленое надлежит одеваться эльфам. У Т. Мэлори в рассказе про Бомейна появляются цветные рыцари, монохромно одетые и экипированные, и Зеленый Рыцарь в их числе, «весь в зеленом — и доспехи, и чепрак на коне.... Тут подъехал Зеленый Рыцарь к кусту боярышника, а на том кусте висел зеленый

рог. ... Он пересел на боевого коня, навесил через плечо зеленый щит, взял зеленое копье...» В осетинских сказаниях также есть всадники, определяемые по цвету одежды и коня.

Особенность Бертилака среди всех этих легендарных и полуполулегендарных героев в том, что он зеленый весь. Насыщенность цвета усиливается многократным корневым повтором цветообозначения — только в описании Рыцаря среднеанглийское *grene* употреблено 13 раз.

Что в имени втором Зеленого Рыцаря

Таинственный незнакомец прибывает и уезжает инкогнито, что нарушает протокол, предписывающий обозначение имени, статуса и происхождения гостя; рыцарям надлежало отказаться бороться с неблагоприятными. Подставляясь под удар Сэра Гавейна, он сам просит представиться того, и так известного всем присутствующим и приходящимся королю Артуру родным племянником:

380 *þat þou me telle truly as I tryst may*
(*First, I want to know thy name — tell me truly*),

и в результате Гавейн наносит удар человеку без имени и вынужден отправляться на поиски «того, не зная кого». Когда он встречает лорда Бертилака, он не может узнать в нем Зеленого Рыцаря ни по внешности, которая у того изменилась, ни по имени, которого он не знал.

Имя «Бертилак» зафиксировано в нескольких вариантах, ни один из которых не может быть непротиворечиво этимологизирован: *Bertilak/Bercilak/Bernlak*. Л. Бессерман считает, что само имя не дает ключа к разгадке парадоксальности героя, тогда как нам представляется, что его правильная этимология могла бы служить тем самым ключом: *the name itself affords us no definitive key to his paradoxical nature* [4].

Обычно имя этого непростого персонажа (the «most difficult character» J. R. R. Tolkien) рассматривается как «*Bertilak*» > *bachlach*, кельтское «*churl*» или *bresalak* «contentious», старофранцузское *bertolais* [4, 219-239]. В формах *Bert-ilak* — *Berc-ilak* — *Bern-lak* различаются три ва-

рианта препозитивного элемента, вариант *bert-* считается кельтским по Форстеру, Толкиену, Гордону, а также германским или романским, тогда как *Bernlak* — возводится к германской форме со скандинавским влиянием.

Китсон, мнение которого приводится Г. Орделлом, считает, что в любом случае у него древнеарийские корни, *Thiebeaux* — что это топоним [19, 74]. Все они приходят к мнению о гибридном характере имени в контексте бикультурности поэмы. Неудовлетворенность полученных выводов, возможно, обусловлена тем, что рассматривается кельто-германская, или норманно-германская двусосновность произведения. Если в качестве второго/третьего культурного компонента предполагать сармато-аланский, то следует отметить, что подобный экспонент встречается в ряде имен: *Bar-lax* — *Бар-лах*, *Bēr/Ber*, *Бур-духан*, *Беор-гор* [20, 225], и может быть сопоставляем с препозитивным элементом имени Рыцаря. Если рассматривать с этих позиций и постпозитивный элемент *-lak*, то наиболее очевидная интерпретация — сопоставление с осетинским *лæг*- «мужчина», «человек», в свете чего можно пересматривать этимологию и некоторых других германских антропонимов с подобным экспонентом.

Немотивированным при рассмотрении данного имени и имен некоторых исторических деятелей и литературных персонажей раннего средневековья представляется возведение элемента *'-lak'* либо к *'lake'*, либо *«play, sport, fun, etc.»* [4].

Если допускать, что *'Bert-'* — это германский корень *«bright»*, д.а. *beorht/berht*, д.в.н. *beraht/bereht*, от протогерм. **berhtaz*, протои.е. **bhereg-* «white, bright», то представляется, что *bright* в качестве первого элемента имени рыцаря, воина сужает семантическую сферу для поисков этимона второго элемента до лексем, номинирующих человека, о чем свидетельствует его валентность в качестве подчиненного элемента атрибутивного словосочетания. Это подтверждается сравнением с другими именами **Engelbert*, *Herebeorht hari* «army» и *beraht* «bright» англ. *Humbert* > *hun* «warrior,

bear cub» и *beraht* «bright». Восточно-иранское *лæг*- в таком случае отвечает и фонетическим, и семантическим требованиям и законам сложения двухосновных антропонимов, а имя «Бертилак» является германо-сарматским гибридным образованием.

В германских личных именах элемент *berht* до VI в. не отмечен, но происхождение ономастикона Артуровского цикла неправомерно искать только в германском. There is no evidence of the element in Germanic personal names prior to the 6th century — оно и не должно быть германским. По мнению Э. Ферстерманна, имя не встречается у готов, вандалов, фризов, скандинавов, ареал распространения его ограничивается англо-саксами, франков, баварцев, ломбардцев (It is mostly unknown in names of Goths, Vandals, Frisians or Norse, and only rarely occurs in names of Saxons. By contrast, it is very common among Anglo-Saxons, Lombards, Franks and Bavarians) [21, 235-254].

В нашей редакции имя эквивалентно может быть переведено на современный английский язык как **Bright-man/лæг*-, что не следует переводить как **Умный человек*, т.к. в таком значении слово фиксируется только с XVIII в. [12] Из более историчных значений наиболее подходящее для нашей интерпретации кельто-германское «красивый».

С другой стороны, интерес представляет возведение первого элемента к корню *«bear»* — «медведь», бурый, что позволяет рассматривать имя в варианте *Bernlak* как кальку имени лукиановского героя: *Арса-ком*, в котором также возможно выделение эквивалентных восточно-иранских корней: «медведь» *Арс*- и «человек» *ком*-.

Зеленый рыцарь и Бертилак — это два разных имени персонажа, это две сущности, а, возможно, и разные герои, сведенные эпической конфляцией в один мифологический контекст.

Годовые и гетерокультурные кольца поэмы трудноопределимы, но, несомненно, она инкорпорирует элементы нескольких столетий фольклорной традиции целого ряда народов [6]. Поиски историче-

ского прототипа на скифо-сармато-аланской почве не лишены основания, т.к. сармато-аланский этнографический адстрат в цикле о короле Артуре прослеживается вполне определенно. И образ главного героя поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» мог быть синтезированным, подобно тому как Мерлин явился результатом синкретизма кельтского и алано-сарматского [22].

История про экзотического и экзотического гостя на королевском пиру — это вставной рассказ скачущему Артуру, ожидающему подобно Шахрияру авантюрного рассказа, которому так своевременно посылается приключение. На наш взгляд, поэма о Зеленом Рыцаре в цикле, известном своей кельто-романо-германо-сарматской эклектичностью, является переложением языком рыцарского романа ранней эпической формы, которая должна быть на

девять веков старше, пересказом принесенных на запад исторических сюжетов в духе куртуазной литературы.

Допущение о заимствовании и усвоении сюжета Лукиана Самосатского возможно, даже если это была чистая новелла безо всякого исторического значения (М. И. Ростовцев). Однако более правомерным представляется считать события скифо-боспорской войны, описанные у Лукиана, историческими и вписывающимися, по мнению В. А. Тихонова, «в контекст глобального греко-персидского противостояния, характерного для первой половины V в. до н.э. [23].

«Сказки постоянно рассыпаются и снова складываются на основании особых, еще неизвестных, законов сюжетосложения» [24]. Складываются, умножая, но не печали, а радость слушателей и работу интерпретаторов.

1. Лукиан. Сочинения. В двух томах / Под общ. ред. А. И. Зайцева / СПб., 2001.
2. Толкин Дж. Р. Р. Профессор и чудовища. http://dragons-nest.ru/def/jrrt_esse.php
3. Sir Gawain and the Green-Knight [сайт]. URL: <http://rpo.library.utoronto.ca/poems/sir-gawain-and-green-knight>
4. Besserman L. The Idea of the Green Knight // ELH. Vol. 53. No. 2. 1986. P. 219-239.
5. Lewis C. S. Sir Gawain and the Green Knight.
6. Spearing A. C. Sir Gawain and the Green Knight // The Gawain-Poet. London: Cambridge University Press, 1970. P. 171-191.
7. Ingham P. C. Sovereign Fantasies: Arthurian Romance and the Making of Britain. University of Pennsylvania Press, 2015.
8. Littleton C. S., Malkor L. A. From Scythia to Camelot. New York, London. 2000.
9. Malory Th. Le Morte d'Arthur. Book V.
10. Хоренацци М. История Армении в трех частях, рассказанная Мовсесом Хоренацци по просьбе Сахака Багратуни [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/01.html>
11. Sir Gawain: Eleven Romances and Tales. L., 1995.
12. Online Etymology Dictionary [сайт]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=turk>
13. Leeming D. The Oxford Companion to World Mythology. Oxford University Press, USA, 2005.
14. Геродот. История (I, 205) // Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
15. Бранвен, дочь Ллира / Мабиногион. Волшебные сказания Уэльса, 1995.
16. Buchanan A. The Irish Framework of Sir Gawain and the Green Knight // PLMA. 1932. Vol. 47. No. 2. P. 315-338.
17. Pastourou M. Bleu: Histoire d'une couleur. Paris, 2002.

18. *Macalister R. A.* Lebor gabála Érenn: The book of the taking of Ireland. Dublin. 1939.
19. *Hil G. O.* Looking Westward: Poetry, Landscape, and Politics in Sir Gawain and the Green Knight. University of Delaware Press, 2009.
20. *Камболов Т. Т.* Очерк истории осетинского языка. Владикавказ. 2006.
21. *Förstemann E.* Altdeutsches Namenbuch. Bd. 1. Nordhausen, 1856.
22. *Malcor L. A. C.* Scott Littleton. 'Some Notes on Merlin' // *Arthuriana*. 1995. 5.3. P. 87-95.
23. *Тихонов В. А.* Боспор Киммерийский V в. до н.э. в диалоге Лукиана «Токсарид, или О дружбе» (гл. 44-55) [сайт]. URL: <http://litterref.ru/qasrnarnarnabew.html>
24. *Пропп В. Я.* Сочинения. Морфология «волшебной» сказки. М., 1998.